

Валерий
ТИТОВ-
МИХАЙЛОВ

г. Петрозаводск

ИМПРОВИЗАЦИЯ

рассказ

На перроне Московского вокзала Илью захватило бурным людским водоворотом и потащило куда-то вместе со всеми. В огромном столичном городе он предпочел притвориться, что его здесь ничто не удивляет, и, поддавшись движению толпы, стал так же невозмутимо и бесцельно толкаться, как и все, не уступая никому дороги. Наконец человеческий поток вытолкнул его наружу из здания вокзала. С туго набитым новеньким чемоданом, купленным мамой специально для этой поездки, Илья минут двадцать бродил вокруг вокзала, пока, наконец, нашел камеру хранения, запрятанную в цокольном этаже — почти что под землей.

Освободившись от своей ноши, он долго стоял на ступеньках вокзала, с живым любопытством разглядывая снующих туда-сюда горожан и приезжих. Всё казалось непривычным: и суетливая беготня незнакомых людей, и воздух, вобравший в себя пыль ленинградских улиц и машин. Родители наказали Илье, как проехать к университету, и молодой человек, дождавшись нужного номера троллейбуса, кое-как протиснулся внутрь.

На время вступительных экзаменов ему дали место в общежитии рядом с Петропавловкой, у моста Строителей. Илья уже знакомым маршрутом съездил на вокзал, чтобы перевезти чемодан в общежитие. Переведя дух и осмотревшись на новом месте, молодой человек разговорился с

соседом по комнате, и они решили вместе прогуляться по городу.

Как выяснилось, парня звали Женей, он родом из Ташкента и тоже приехал поступать в университет. Вдоволь набродившись по широкому ленинградским проспектам, не чуя под собой ног от усталости, поздно вечером они вернулись в свою комнату.

Утром Илью разбудил деликатный стук в дверь. Вставать не хотелось, но Женя еще крепко спал, поэтому, выждав несколько минут в надежде, что неизвестный визитёр уйдет, Илья нехотя поднялся и поплёлся открывать. Одеваться времени не было, и он завернулся в простыню, подошел к двери, щелкнул замком.

На пороге возникло юное создание с огромными серыми глазами. Оно удивленно хлопало пушистыми длинными ресницами и разглядывало одеяние молодого человека, напомиравшее тогу древних римлян.

— Я... Мы... — запинаясь, начала она. — Мы тут в комнате напротив...

— Ну и что? — строго спросил Илья, насупив брови.

Девочка еще больше заволновалась, уголки ее губ предательски дрогнули, но она в ту же минуту взяла себя в руки, подняла на Илью глаза и выдохнула:

— Чайника не найдется?..

— Чайник?.. — Илья прошел на середину комнаты, потоптался там, почему-то посмотрел на потолок, темный от грязи и копоти, опустил взгляд на пол, заваленный окурками и бумагой, но чайника не нашел.

— Кажется, в шкафу есть кофейник, — раздался сонный голос Жени.

— Имейте в виду, — придав своему голосу нарочитую серьезность, сказал Илья и подал кофейник девушке, — в качестве компенсации мы к вам чай пить придем.

— Пожалуйста, — с оттенком нежного девичьего кокетства улыбнулась посетительница и пошла к себе.

Окна комнаты ребят выходили на глухой двор. Каждое утро оттуда доносилась перебранка дворников, подметавших мусор, который студенты по обыкновению бросали прямо в окно. Как ни пытались снова уснуть, это не удалось.

Мальчишки сидели на кроватях и все еще зевали. Женя, критически осмотрев комнату, заметил, что неплохо было бы подмести пол и вообще прибраться. Стараясь взбодриться и развеять утренний сон, ребята стали искать швабру. Не было ее ни под кроватями, ни в углу, заставленном старыми стульями. Женя предложил двинуть шкаф и поискать там. После общих усилий между задней стенкой шкафа и стеной образовалась порядочная щель, и из нее вывалилась куча разного хлама — старых запыленных бумаг, чертежей каких-то, тряпок, укутанных ошметками махровых паутин и прочего. Кстати, среди прочего нашлась и швабра, и тряпка, но, мгновенно оценив объем работы, делать уборку ребятам расхотелось. Попинав швабру ногой, они успокоились.

В комнате на старом колченогом столе стояла герань, вернее, что-то её напоминающее: из горшка торчал тощий огрызок, а вокруг него молодой порослью расцветали окурки. Еще одной достопримечательностью была картина на стене — дюжий детина ревел, оскалив относительно белые зубы, слезы струёй текли из его глаз, в один из которых чьей-то меткой рукой была воткнута шариковая ручка.

Когда ребятам надоело бесцельно шататься по комнате и рассматривать следы пребывания предшествующих цивилизаций, они решили позавтракать. Женя выставил на стол домашнее вино. Разложили припасы, заботливо соб-

ранные мамами еще дома. По-взрослому, со знанием дела пропустили по стаканчику.

Настало время и для серьезных разговоров — про жизнь.

— Ты давно интересуешься философией? — спросил Илья, закуривая сигарету.

— Видишь ли, дорогой, — Женя чуть помедлил с ответом, сооружая себе бутерброд с колбасой, — мне случайно попался учебник по диалектическому материализму, прочел как художественную книгу, и что-то меня заинтересовало. Читал много, без разбору. Иногда встретишь мысль, которая тебя заинтересует. Вот у Гегеля встретил: «Сова Минервы вылетает только в полночь». Что это? Минерва — богиня мудрости. Сова — мысль. Мысль рождается в полночь, — многозначительно поднял он палец кверху.

— Да, — произнёс Илья, — пожалуй. А я на филологический попал, если так можно выразиться, вследствие стихов. Представь — начал писать! Для души. Показал друзьям: хвалят. Рекомендовали сходить в редакцию. А там: «Тебе, — говорят, — молодой человек, надо учиться».

Женя прищурился, мечтательно откинул голову назад и ответил:

— Стихи надо писать сердцем, — он коснулся рукой груди, — вот орган, в котором они рождаются, а не здесь, в голове. Какая логика в словах: шёпот, робкое дыханье, трели соловья? Там — сердце!

После завтрака ребята отправились прогуляться. Долго стояли на набережной, наблюдая за рыбаками, за буксиром, тянувшим по Неве плоты с лесом. Дошли до университета, узнали расписание экзаменов и почти весь день провалялись на кроватях с учебниками.

Близился вечер, стало скучно. И Илья предложил пойти к соседкам — на обещанный чай.

Дверь была немного приоткрыта, и после легкого стука совсем распахнулась, мальчишки, озираясь по сторонам, вошли внутрь. В комнате, прибранной и уютной, на подоконнике сидела рыжеволосая девчонка и любовалась огнями вечернего Ленинграда, другая, с короткой стрижкой, за столом читала.

Приметив ту, что заходила к ребятам утром, Илья еще раз деликатно побарабанил пальцами о дверной косяк и, обращаясь к Ире, той самой, которая приходила за чайником, сказал:

– Рассчитайтесь, пожалуйста, мы пришли пить чай.

Обезоруживающая улыбка Ильи никого не оставила равнодушным. Девчонки оторвались от своих дел, с любопытством разглядывая пришельцев, а Ира, мило кивнув головой, пошла на кухню. Вскоре пили чай, смущенные девушки больше молчали, опустив глаза.

– Вы что – историки? – спросил Илья, пытается завязать разговор.

– Нетрудно догадаться, – хихикнула Ира, стрельнув глазами.

– Ну, почему же? Девушки обычно стремятся попасть на филологический. Считается, что филологический факультет – это факультет невест, – ответил Илья важным голосом, чтобы произвести впечатление на барышень.

– А вы на какой? – спросила Ира, подливая гостям чаю.

– Как раз на филологический, – продолжал Илья. – На факультет невест.

– А я думала, вы в художественную академию, – по-доброму подтрунивала рыжеволосая.

– Странно... А почему? – чуть сконфузился Илья.

– Похож на Левитана.

Девчонки прыснули со смеху.

– На Левитана? Вот не знал, – покачал головой Илья, улыбаясь.

В это время открылась дверь и в комнату вошло милое создание – тоненькая, как тростиночка, брюнетка в серенькой батистовой кофточке, облегающей ее девичий стан, и цветастой юбке. Ее толстые косы были короной уложены вокруг головы. Она была хороша собой и красива нежной юной красотой, когда девушка уже расцвела, но еще не превратилась в женщину.

– Здравствуйте! – поприветствовала она всех разом.

Илью поразили её глаза – большие темные глаза, словно мерцающие. Девушка небрежно бросила сумочку на кровать, подошла и села за стол – прямо рядом с Ильей.

– Ну вот, я же всегда знаю, когда надо прийти, – заворковала она звонким мелодичным голосом. – Где я сегодня только ни была: и в Исаакии, и в Военно-морском музее, в Эрмитаж, правда, не успела. И всё так интересно, и везде хочется успеть...

Илья предложил ей конфеты, но от смуще-

ния рассыпал их по столу. Черноглазая засмеялась и стала помогать собирать конфеты обратно в вазочку.

– Вы тоже на исторический? – перехватил инициативу в общении Женя.

– Да, мы все здесь историки. И я догадываюсь, кто сегодня утром испугал нашу бедную Иру, – лукаво улыбнулась черноволосая девушка, подмигивая подругам.

– Разве испугал? – Илья посмотрел ей в глаза и смутился.

Все рассмеялись. Вечер пролетел весело и незаметно.

Вскоре, распрощавшись и поблагодарив девушек за чай, мальчишки ушли к себе. Они настолько устали, что не было никаких сил обмениваться впечатлениями. Наскоро умывшись, ребята отправились в объятия Морфея. Засыпая, в голове Ильи промелькнула мысль: «А она... ничего... Черноглазая...»

На следующий день вечером Илья зашел к девушкам как будто просто так, мимоходом. Алла в комнате была одна.

– Здравствуйте! – поздоровался Илья, стараясь подавить в себе вчерашнюю робость.

Она задорно улыбнулась, откинув тяжелую прядь волос со лба, и кокетливо ответила:

– А... Тот самый романтический юноша!

Не дожидаясь приглашений, Илья сел рядом с ней на стул.

– Нет, серьезно, я люблю мечтать. Иногда находят такие фантазии. Хотите, я что-нибудь вам изобразю?

– Интересно, – глаза её хитро блеснули.

– Представьте себе: золотистый песок, синее спокойное море, оно уходит далеко-далеко вдаль. Там чайки, они взмывают и парят. Вы стряхиваете грусть, бежите к морю и кидаетесь в воду, ласковую и теплую... – с воодушевлением рассказывал Илья, желая произвести впечатление на девушку.

– О, да ты поэт! – неожиданно перешла на «ты» Алла.

Илья, смутившись, замолчал.

– Хочешь к нам в гости? – неожиданно предложил Илья, сам от себя не ожидая такой прыти.

Алла помедлила секунду:

– Можно.

Молодые люди подошли к дверям комнаты мальчишек, но оттуда раздавались голоса –

было слышно, что внутри кто-то спорит. Многозначительно переглянувшись, негласно решили направиться дальше по длинному коридору — к выходу из общежития.

Ребята долго бродили по Университетской набережной, по Летнему саду. От прежнего смущения не осталось и следа, казалось, они знакомы если не всю жизнь, то полжизни точно. Они хохотали, дурачились и только в полночь вернулись в общежитие, не заметив, как пролетело время.

На следующий день Илья писал вступительное сочинение. Он старательно заставлял себя думать о теме, а воображение предательски рисовало милый образ черноглазой Аллы. Илья уже не скрывал от самого себя, что вновь хочет видеть её.

Вечером Алла не удивилась его приходу.

— Ну, как история? — спросил он, а сердце бешено колотилось от радости, что она рядом.

— «Хорошо!» А твое сочинение?

— Тоже.

— Поздравляю.

— А я тебя, — сказал Илья и прищурился, любясь девушкой.

— Ну-ка, ну-ка, — она взяла рукой за подбородок и повернула к себе его лицо, — не бойся!

Ее легкие, почти невесомые прикосновения к его щеке были приятны, Илья даже покраснел от радости. Тут он заметил у неё на руке серебряный перстенёк.

— Дай посмотреть, — попытался он схватить её запястье.

Алла, поддразнивая его и смеясь, стремительно спрятала руку за спину. Илья обнял её за талию, и они, потеряв равновесие, повалились на кровать.

У Ильи голова закружилась каруселью, в ушах шумело от волнения, казалось, сердце выскочит наружу, но из коридора стали доноситься быстро приближающиеся шаги, Алла вывернулась и отбежала к столу. Шаги стихли. Алла приложила палец к губам, таинственно глядя в его глаза. Неожиданно она подошла к нему, точнее — почти подбежала (так внезапно это произошло!), сама обняла его и поцеловала, а потом отстранилась и поспешно вытолкала Илью за дверь.

У себя в комнате Илья дрожащей рукой вытащил сигарету из пачки и закурил, лежа в крова-

ти. Сердечные тревожения долго не успокаивались в его груди. В голове все вновь и вновь возникал чудный образ черноглазой Аллы. Женя уже мирно спал в своей кровати, и, поворочавшись с час, Илья тоже уснул.

Утром Илью разбудил какой-то шум. Подняв голову, он увидел, что это — голуби, они хозяйничали прямо на подоконнике. Вытягивая головки, посматривали на Илью, словно о чем-то спрашивали.

В Петропавловской крепости грохнула пушка. «Двенадцать часов, — подумал он, — надо вставать». Пока умывался и завтракал, то и дело вспоминал события вчерашнего дня, и от этих воспоминаний его распирали радостными предчувствиями.

Его так и тянуло зайти к соседкам, но Ира, которую он встретил в коридоре, пока ходил умываться, сообщила, что Алла ночевала у тётки.

Встретились они неожиданно вечером на Университетской набережной. На улице было не полетнему прохладно, и Алла держала в руках легкий серенький плащик. Решено было прогуляться, Илья и Алла шли медленно по бесконечной набережной в направлении Зимнего дворца.

— Знаешь, а у меня ведь бабушка — француженка. Мама говорит, что я вся в бабушку. И еще, когда я стала заниматься парашютным спортом, она сказала, что это не я прыгаю с парашютом, а бабка, которая во мне сидит, — нежный голос Аллы ласкал ухо Ильи.

Он не мог наслушаться этой музыкой, и сердце вторило мелодии учащенным перестуком.

За разговорами они не заметили, как дошли до Дворцовой площади и, спрятавшись среди колонн Зимнего дворца, долго целовались, уже никого не стесняясь.

С этого дня оба сдавали экзамены на «удовлетворительно».

Женя уже перестал обращать внимание на то, что Илья не занимается, а все время лежит на кровати или затуманенным взглядом бессмысленно смотрит в окно на серую стену напротив, на крышу, усеянную пустыми банками, на кошек, гоняющихся за голубями.

Илья уже понимал, что в университет по конкурсу ему не пройти, и от предчувствия, что им с Аллой скоро придется расстаться, на душе у него было тоскливо. Кроме того, у него

кончились деньги и неизвестно было, когда родители пришлют перевод.

В первый раз они поспорились по пустяковому поводу, когда, гуляя по Невскому, зашли посмотреть художественную выставку.

У одной из картин Алла надолго задержалась, а Илья сидел на диване с безразличным видом и скучал.

— Что ты там нашла любопытного? — наконец не выдержал он.

— Да так... Вроде бы ничего такого. Серый дождливый день... Одинокий пешеход... А что-то есть. Настроение, что ли?..

— Да, это, конечно, не Куинджи, — съязвил Илья, которому уже наскучило ждать.

— Много ты понимаешь! — вспыхнула Алла, чуть покраснев.

— Но уж в этом-то разбираюсь.

Алла с вызовом посмотрела на него в упор:

— Может, ты хочешь сказать, что я не разбираюсь?.. Тоже мне, Левитан нашелся.

— Сдался вам этот Левитан! — не сдержался Илья. Казалось, его терпению пришел конец.

Обратно шли молча. Илья не понимал причины её раздражения, но решил не начинать разговор до тех пор, пока она не заговорит первой. Когда дошли до перекрестка, Алла отняла у него свою руку:

— Не провожай меня, я пойду к тётё.

— Что это за тётя?

— Тётя как тётя — родная, — ответила она, отворачивая лицо, словно желая как можно скорее расстаться.

— Ну и иди к своей тётё, — выпалил обиженно Илья.

Алла стремительно пошла прочь, так ни разу и не обернувшись, будто только и ждала возможности уйти.

Следующим утром Илья не постучался к соседям, считая, что Аллы нет в общежитии. Он бесцельно бродил по общежитию, случайно увидел в комнате отдыха фортепиано, задумчиво коснулся клавиш. А потом придвинул табурет и заиграл. Он импровизировал. Играл на слух что-то тоскливо-нежное и вместе с тем надрывное — то, что нужно было ему в данную минуту, чтобы успокоиться и разобраться в себе. Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. Это была она, побледневшая, с такими же черными мерцающими глазами, как тогда в комнате.

— Что ты играл? — спросила она с легким волнением в голосе.

— Не знаю. Просто так.

— Нет, что это было? — настаивала она.

— Говорю тебе: не знаю. Играл что получилось.

Алла испытующе смотрела ему в глаза, будто хотела разгадать его. Илья приблизился и осторожно обнял её за талию.

— Я хотел спросить: почему они у тебя бывают то синие, то тёмные?

— Кто? — не поняла она.

— Не кто, а что. Глаза.

— Не знаю, — обронила Алла, немного растерявшись. — Ничего не знаю, ничего не знаю, — повторила она и вдруг уткнулась лицом в его плечо.

— Ты что? — спросил Илья.

— Тоже не знаю. Это пройдёт.

— Что ты со мной делаешь? — говорил он едва слышно, шёпотом между поцелуями. Наконец она высвободилась из его объятий.

— Пойдём, надо заниматься, хоть немного — скоро экзамен.

В субботу Алла предложила съездить в Петродворец. Илья с радостью согласился, но, просидев долго накануне над книжкой, проспал назначенное время.

Утром его разбудил требовательный стук в дверь.

— Ты еще спишь? — удивилась она. — Ну, даёшь! Давай быстрее. Я подожду внизу, в подъезде.

Илья метался по комнате, наскоро собираясь, и уже через пятнадцать минут стремглав летел вниз по лестнице.

Оглядев его с ног до головы критическим взглядом, Алла ничего не сказала, но было видно, что она осталась недовольна его видом. Особенно печально выглядели сношенные башмаки: каблуки заметно стёрлись, и Илья ставил ноги чуть криво.

Всю дорогу ехали молча. На неизвестной ему остановке вслед за Аллой Илья вышел из трамвая, по-прежнему не проронив ни слова. И дальше шли тоже молча. Вдруг Алла направилась к какой-то женщине, к удивлению Ильи она взяла её под руку, будто они давно знают друг друга.

— Вот, знакомься — это моя тётя.

Опешив в первую секунду, молодой человек поспешно протянул руку:

— Илья, — только и смог сказать он.

— Анна Васильевна, — представилась женщина, с любопытством наблюдая за ним.

Лицо женщины показалось ему некрасивым и увядшим. Тётушка закурила, и они пошли к остановке автобуса.

У входа в парк женщина куда-то исчезла. Илья вопросительно посмотрел на Аллу, безмолвно спрашивая: «Для чего нам тётя?», но Алла, продолжая дуться, сделала вид, что не поняла, и отвернулась.

— Может, помиримся? — Илья попытался взять её за руку, но она резко отдернула её, будто обожглась.

Потом все же, взглянув на него, неожиданно спросила с тревогой в голосе:

— Постой, ты не болен? Что с тобой?..

А он и сам не знал, что с ним. Правда, чувствовал озноб по всему телу, но лицо почему-то горело. Болела голова. Слова доносились до него как сквозь какую-то завесу. Он обнял Аллу, но тут же раздался недовольный крикливый голос тётки:

— А я их ишу! Пойдёмте посидим в ресторане.

Даже после выпитого бокала вина Илья не мог согреться, казалось, озноб только усилился, а кровь прилила к голове.

— Скажи, ты не обидишься, если я сейчас уеду? Я плохо себя чувствую, — спросил он Аллу шепотом.

— Нет, — сказала она, но Илья почувствовал в ее голосе раздражение. — Да нет же, — нервно повторила Алла и попыталась улыбнуться.

Илья взял её за руку.

— Не обидишься? — переспросил он снова.

Она молча сжимала его пальцы.

— Я провожу тебя, — предложила она уже спокойнее.

— Зачем? Остайся с тётей.

Илья плохо помнил, как попал домой. Все воскресенье Женя лечил его своими средствами: горчичниками и чаем с мёдом.

В понедельник зарядили ленинградские дожди. Монотонно барабанили капли по крыше, отчего все время хотелось спать. Днём Женя пришел и разбудил Илью.

— Тебе перевод, — сказал он.

— Это кстати, — ответил Илья, натягивая одеяло до подбородка.

Позже, за чаем, Женя спросил Илью:

— Ты когда поедешь домой?

— Завтра, — произнес он с грустью в голосе, понимая, что другого выхода нет.

Женя ехидно усмехнулся.

— Ну что ж, поэт, вы ранены, но в этих сражениях победы равны поражениям. Женщины это прекрасно понимают и поэтому всегда выходят из них с меньшими потерями.

На следующее утро Илья быстро собрался, упаковал чемодан и, наскоро попрощавшись с Женей, пошел на вокзал. По пути он спустился к любимому и теперь уже памятному месту на набережной. Волны Невы успокаивающе бормотали что-то камням, и он долго стоял, слушая эти звуки.

Валерий Федорович ТИТОВ-МИХАЙЛОВ

родился в 1941 году в Петрозаводске.

Окончил филологический факультет ПетрГУ.

Работал литературным сотрудником в газете «Онежец»,

посещал литературное объединение при журнале «Север».

Автор сборника рассказов «Фарфоровая трубка» (2009).

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

